

7/18

АЛЕКСАНДР ИЛИЧЕВСКИЙ

Р О М А Н

альпина
ПРОЗА
Москва, 2025

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=4П.2)6-44
И43

Авторский сайт Александра Иличевского —
<https://www.ilichevsky.com>

Редактор НАТАЛЬЯ НАРЦИССОВА

Иличевский А.

И43 7 октября : [роман] / Александр Иличевский. — М. : Альпина нон-фикшн, 2025. — 168 с.

ISBN 978-5-00223-451-6

«7 октября скомкало душу, и естество стало неотличимо от тела». 7 октября горе сгустилось над пустыней и полилось нескончаемым потоком. В глубине этого потока неумолимое время несет Ивана Глухова и его близких. Глухов то и дело мысленно бродит по улочкам и переулкам своего недавнего прошлого, пока замершее настоящее превратилось во всеобщую вязкую неизвестность. Глухов не может позволить себе остановиться, ему жизненно необходимо выплыть и выжить: поток разлучил его с самым дорогим на свете человеком и Глухов обязан его найти.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)6-44

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00223-451-6

© А. Иличевский, 2025
© Художественное оформление, макет.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2025

*В мирное время сыновья хоронят отцов, а на войне —
отцы сыновей.*

Геродот

7 октября 2023 года отряд Рона Берковича, сержанта Армии обороны Израиля (*IDF*), был высажен с вертолета *Black Hawk UH-60* в районе кибуца Нир Оз спустя три часа после того, как в эфире прозвучал позывной «Турецкий всадник» — «Рокев турки», — означавший появление террористов. Отряд Берковича еще при посадке вступил в бой с прорвавшимся из Газы спецназом ХАМАСа. После того как группа террористов была уничтожена, бойцы *IDF* приступили к осмотру местности. Сразу стало понятно, что они имеют дело с армией дьявола. Изнасилованные трупы, отрезанные женские груди, которыми играли в футбол, связанные тела детей, сожженных заживо, вырезанные из материнского чрева и обезглавленные младенцы — невиданные в истории зверства — вот что лицезрели солдаты. Командир отряда Рон Беркович держался дольше всех, в то время как его подчиненных рвало от ужаса и они не могли продолжать осмотр. Позже у десантников развилось посттравматическое стрессовое расстройство, а Рон Беркович ослеп и ничего не видел в течение пяти дней. Так случается психологическая слепота, когда приходится видеть невыносимое. Только через

полтора месяца отряду Рона удалось вернуться в строй, чтобы воевать в Газе.

Озеро Кинерет у Тверии. Отец и сын сидят среди камышей на берегу, следят за поплавками и отмахиваются веточками от мошки и комаров. Время близится к закату. Вдруг появляются стрекозы. Воздушное полчище этажерчатых насекомых, чьи крылья сделаны из слюдяных витражей. Комары и мошка мгновенно пропадают в пастях крутящихся фигуры высшего пилотажа стрекоз.

Ошеломляющее шуршание сменяется тишиной. Поплавки неподвижны.

— Пап, ты меня любишь?

— А ты вспоминал меня этим летом?

— Конечно. Как мы с тобой во Франции на гору с замком забирались. Как на развалинах ели бутерброды. А потом я потерял солдатика, которого брал с собой, и очень расстроился. Как вечером рыбу на углях в фольге запекали...

— Я люблю тебя.

— А что будет, когда ты умрешь?

— Я превращусь в ангела и буду охранять тебя.

— И никуда-никуда не исчезнешь?

— Нет.

Мальчик помолчал.

Рим, базилика Девы Марии Снежной. Он повернулся, чтобы двинуться обратно на выход, — и замер: пласт света, льющегося из приоткрытых

створок дверей, отгеснил сумрак, и стало видно, как девушка в джинсах преклонила колени для исповеди. Тьма, скрывавшая ее лицо в пространстве исповедали, казалась священной. Затем он вышел под снежное небо. Снег падал колоннами, и виделось, что Глухов распознаёт каждую кружащуюся снежинку в отдельности даже на страшной высоте. Прохожие, ослепшие от метели, шли по тротуарам, не замечая друг друга. Что их ждало по возвращении домой? Накрытый стол? Или потемки и холодный свет из окна, сочащийся над городом из снежного покрова? Иван Глухов зашел в подворотню, нырнул в подъезд. Лифт потащился вверх, но вдруг дернулся и замер — вместе с сердцем. Затем рванулся — и ушел вбок шахты, Глухова вжало в стенку. Скорость была набрана такая, что кабина вытянулась вдоль направления движения и превратилась в вагон поезда. Кто управлял локомотивом? Тот незримый в темноте исповедали священник? Поезд мчался, поднимая с путей крылатые фонтаны свежего снега. Миновали пропасть, образовавшуюся на месте Европы, пронеслась Украина, потянулась Россия, Урал простучал под колесами, распахнулась тьма Сибири, затем надвинулся Тихий океан. Полная луна безучастно смотрела вослед вагонам.

Глухов проснулся от вкрадчивой сначала мелодии будильника; сон в поезде вырвался наружу и иссяк. Лабрадор Шерлок еще спал. Когда старый Шерлок спит и, похрапывая, поскуливает, он

очень по-человечески это делает. Вот это и приводит к догадке: собачьи сны почти человечесьи. Есть в снах нечто, что уравнивает немного всех, кому они снятся. Человек во сне глупеет, по его безволию нарушается все, что только может нарушиться, и люди становятся во сне немного животными; ну или ангелами. Во всяком случае, они несколько теряют человеческий облик. Что же мешает собакам становиться во сне немного людьми?

Будильник звенел каждое утро, кроме выходных, в 5:50. Первым делом Глухов впотьмах тащился в кухню и варил в джезве с двойным дном, заполненным морским песком, крепчайший *Lavazza*, смолотый обязательно накануне, перед тем как идти спать. Затем доставал из холодильника молоко, наливал треть чашки и ставил на сорок секунд в микроволновку. Тем временем всходил кофе. Соединив две жидкости, Глухов приступал к пробуждению. И только покончив с кофе, он сворачивал самокрутку и с наслаждением закуривал. Через минуту снимал с полки таблеточный контейнер, высыпал в рот содержимое ежедневной ячейки и запивал стаканом воды из фильтра. Оставалось только поздороваться со вскочившим к тому моменту с лежанки Шерлоком, умыться, пройтись с лабрадором по улице, облегчить собачку и накормить.

Ивану Глухову пятьдесят два года, и имя его — прибежище. Иногда ему казалось, что у него есть второе имя и он когда-нибудь узнает, кто он:

например, Самюэль Вернон — бедный герой «Пятнадцатилетнего капитана» Жюль Верна. Или Бенджамин Уиллард — капитан разведки из «Апокалипсиса сегодня». Недаром Глухов был уверен, что у него есть двойник — простая вера, схожая с предрассудками древних египтян, считавших, что к каждому человеку прикреплены высшими силами сущность, чье имя особое — Ка. Этот Ка, точнее связанное с ним расщепление личности, как раз и отвечает за способность сознания к абстрагированию, к воображению вообще. В снах — действует Ка.

С 7 октября 2023 года прошло три месяца, и за это время Глухов был вынужден удвоить дозу венлафаксина и арипипразола. Теперь он не так часто погружался в состояние ужаса и ярости. Теперь он реже вскакивал среди ночи, бормоча: «Артемка, родной, как ты там, как, мой маленький...» Теперь он, пока допивал кофе, не погружался в телефон — в пришедшие за ночь новости из Газы. Теперь его ощущения напоминали собой то, что он однажды испытал, увидев фотографию, вынесенную на обложку книги французского философа, которым увлекался в юности: камбоджийского партизана подвергли страшной казни — посадению на кол; а чтобы человек не умер от болевого шока, его предварительно обкололи огромной дозой морфина, так что казнимый начал даже улыбаться. Да, Глухов теперь мог думать — и даже

на посторонние происшедшему 7 октября темы, но все равно диэлектрическое его стекло, находящееся под чудовищным напряжением, время от времени пробивало, и тогда его охватывал клубок молний и искр, искореживавший все его тело и то, что осталось от души.

Сейчас Глухов смотрел с балкона на лесистую гору, за которой пролегает дорога на Хеврон, и думал случайную мысль: есть ли любовь с первого взгляда? Что он вообще знает о любви, кроме любви материнской, сопряженной с ежемгновенной заботой и участием? Мать любила его, он восхищал ее с младенчества. Она дрожала над ним и его сестрой и говорила: «Что такое счастье? Счастье — это когда дети не болеют». Любовь к женщинам Иван относил к иному миру, в котором есть место искусству. В юности любовь понималась им как боль и предел устремления, сочетаемые с высшим сексуальным наслаждением. Иными словами, это была в его жизни пчелиная история: ведь трутни, чтобы настичь королеву, увлекаемые ее запахом, взмывают на немислимую для них — но не для королевы — высоту. Тот лучший самец, что не падет жертвой своих усилий и окажется в чести внести веер спермы в специальные резервуары в теле матки, станет обладателем будущего семенного фонда, зачав одним махом целый рой. Здесь нам и элемент естественного отбора (выше, дальше, быстрее), и осколок трубадурной культуры: воздушная гора, на вершине которой

происходит соитие, оказывается метафизической горой, наполненной прозрачными частями охоты, устроенной влюбленным человеком, — чтобы уловить Бога. Любовь и есть ловушка для Бога. Но чаще в расставленные людьми тенета попадает чепуха или дьявол. Что же касается любви с первого взгляда — тут не было сомнений, что с любовью, точнее с ее перспективами, становится понятно все сразу. Глухову обычно требовалось секунд десять-двадцать первой встречи, чтобы выяснить, в каких отношениях он окажется с человеком когда-нибудь, когда им придется расстаться навсегда. Неважно, что будет происходить между ними в любой период знакомства, — общий знаменатель останется тем же, что успел сформироваться в первые мгновения. Вероятно, так устроен не только мозг, но и некий его отпечаток в эфире ноосферы: что-то, относящееся к высшим силам, в которые Глухов, впрочем, если и верил, то в тех пределах, в каких метафизика способна стать физикой или наоборот. Научное образование не мешало Глухову мыслить незримое. Напротив, иногда оно просто обязывало его верить в ангелов и Творца, но не в таких, какими привыкли потусторонний мир изображать люди. Для Глухова ангелы хоть и были этическими сущностями, но состояли преимущественно из формул, никакой плотью, кроме математической, они не обладали, в них ничто не могло сломаться, они только имели разные области обитания (применения) и всего две

или три структурные косточки, к которым крепились метафизические маховые перья. Единственное, что его всерьез занимало в этом ангельском деле, — каким образом математика становится обладательницей энергии, иными словами, как математические формулы и теоремы становятся стихией: землей, огнем, воздухом, эфиром...

Вторую жену, мать Артемки, Глухов любил недостаточно. При том что она сама его не так уж и любила. После семнадцати лет брака развод становится вероятен благодаря хотя бы износу чувств. Есть браки, в которых распределение несчастья неравномерно. А есть такие, где счастье одно на двоих.

Относительно любви к детям: здесь тяжелее, потому что долгое время ужас Глухова состоял в том, что вдруг его ребенок окажется лишь тем лучшим, что ему удалось в жизни создать. Увы, сын Артем своей тотальной безучастностью к мирозданию постоянно приземлял мысли Глухова — при любой попытке романтизировать свое потомство и себя заодно. Увлечение рэпом и компьютерными играми не в счет. Отсюда следует, что любовь вырабатывается не вполне безусловно — дети разные, иначе их любили бы одинаково.

Глухов собрал рюкзак, захлопнул дверь, вышел из подъезда и стал искать свой автомобиль в окрестностях — ниже по улице он вчера встал или выше?.. А пока бродил туда и сюда, вдруг

вспомнил и понял: а ведь все началось еще в далекой юности. Он обнаружил тогда: люди настолько уникальны, что мир ретируется перед избранностью каждого отдельного человека. Но как единый мир, с одной математикой на всех, включая ангелов, способен вынести столь глубинное разнообразие — и вообще может при его наличии существовать? Так Иван думал часто — и в том числе в этом переулке по дороге в магазин детских игрушек на улице Бялик, где сын годами скупал какие-то особенные машинки, а он не мог устоять перед уговорами. Артемка тащил его в магазин игрушек, над которыми зависал, и потом по дороге домой еще пару раз тянул его за руку, возвращался, чтобы изменить свой выбор (в какой-то момент мальчику стали нравиться бетономешалки, он называл их «бамба»).

Jeer нашелся в соседнем переулке, и Глухов нажал кнопку открывания дверей, чтобы усесться и завестись. Все началось с того, что... Но и там и там столько было пролито крови и спермы. В реальности здесь нужен трактат о любви мужской и женской — к Богу в том числе. Да, к Нему тоже. Глухов не понимал, почему теперь так уж неприлично говорить о Боге. На свете есть мало что настолько же интересное, как область темной материи, область тайны в ауре понимания, на место которой человечество норовит поставить что-то свое, как кустарь — товар на свободный прилавок на рынке.

Мир могут счесть конечным только сволочи с амбициями, превышающими их способности. Когда-то Иван работал с одной набожной еврейкой — медсестрой, которая исподтишка обожала христианскую музыку и тайком слушала Баха, Генделя, Вивальди («Вань, зацени!» — и протягивала наушники). Кто бы ее осудил? Музыка — единственный язык, с помощью которого можно обратиться напрямую к Богу.

А пока что Глухов проголодался. Он доберется до госпиталя, и там к десяти часам можно разжиться принесенными сестрой-хозяйкой творожками и вареными яйцами. Когда-то, еще до ковида, в столовой выдавали довеском свежие огурцы и помидоры. Но как давно это было. Так давно — не столько по времени, сколько из-за тьмы происшедшего, — что невозможно себе представить массу прошлого времени, разъятого на винтики и шестеренки — когда и что, — и тем более осознать. Чем дольше живешь, тем плотнее события набиваются в грудь и их не разобрать — так же как не понять, чем отличаются известные зимние вальсы у Свиридова и Хачатуряна.

А началось все с того, что однажды изнурительно жарким Апшеронским августом он забрел в Баку в книжный магазин, находившийся на первом этаже того самого высотного дома, в котором жил чемпион мира по шахматам Каспаров. Он увидел ее, склонившуюся над разложенными

книгами, и стал держаться поблизости. В те времена евреи покидали город и страну и букинистические отделы были завалены прекрасными изданиями. Он бросил фразу-приманку — продавцу, но, по смыслу, ей: «Скажите, у вас есть неоплатоники?» Она подняла на него глаза от страницы. Через минуту он влетел вслед за ней в троллейбус. Оба кинули пяточки на панель водителю, и Глухов, качнувшись от рывка на светофоре, выдал из себя: «Вы бывали когда-нибудь в Париже?» — «Нет». — «Я тоже. Видите, сколько у нас общего. Давайте познакомимся?»

Так Аня оказалась его первой белой дамой. Нет ничего более загадочного, чем влечение. Вопрос не в том, почему оно существует, но как происходит выбор торжества, с которым богиня решает воплотиться в той или иной особе для того или иного мужчины. Последовали дни и недели равнинного берега Каспия: отвесное солнце, купание далеко-далеко почти в открытом море, где, исчезнув из виду для всех, кто мог случайно появиться на пустынном берегу, они занимались любовью, хождения по ресторанам и чайханам в прибрежном парке, медленное, зачарованное возвращение по домам в разных концах города — он всегда провожал, в том числе и ради мучительных поцелуев на прощание под позывные незримого сверчка в подъезде, — «Зеленый театр» под открытым небом, где они смотрели гремевшую тогда перестроечную пьесу о ленинградских проститутках,

мечтающих за иностранцев замуж — такая помесь *Pretty Woman* и «Москва слезам не верит». Актрисы, неосторожно сгоревшие днем на городском пляже, стягивали с себя одежду, морщась от боли, но все равно обнажались на сцене, показывая пунцовые от свежего загара шеи, бока, бедра.

Артемка теперь представлялся ему не девятнадцатилетним юнцом-новобранцем, а младенцем. Иван мысленно прижимал его к себе, целовал, кормил молоком из бутылочки, купал, вытирал, подкармливал снова и укладывал спать...

Сына жена назвала в честь своего старого друга и одноклассника — добряка Коваленко. А Глухова мать именовала в честь Вани Григорьева из «Псов Андромеды». В этом романе главный герой в детстве страдает от загадочной немоты. И мать потом не удивилась, когда ее Иван заговорил только в пять с половиной лет. «Немтыря!» — так его называла ласково бабушка, изъяснявшаяся на своем особом русском языке, вывезенном ею после голода 1933 года со Ставрополя. Она произносила так же необычно: «стула», а не «стул», «у комнате», а не «в комнате», «буряк», а не «свекла», «расстрастить», а не «разбавить горячую воду холодной», сделать менее страстной. Иван тогда и заговорил, когда однажды бабушка забыла *расстрастить* и вылила на него кастрюлю слишком нагретой воды. Немтыря испугался и завопил, да так, что бабушка едва не грохнулась

в обморок при его крике: «Тьфу ты, черт! Чуть не утопила!»

В детстве Глухов был одержим воздухоплаванием. Страстно читал все о Линдберге и Амелии Эрхарт, а «Планета людей» Экзюпери ему и до сих пор казалась важнейшей книгой не только в его жизни, но и в истории человечества. Он был уверен, что когда-нибудь подобный манускрипт, исполненный нового зрения, появится и из-под пера астронавта. Влекомый беспрекословной интуицией, на каждом клочке бумаги Иван вырисовывал самолеты и устройство турбин, воображал, что конструирует новые летательные аппараты и двигатели, был зачарован физикой ламинарных потоков, на пальцах объяснявшей возникновение подъемной силы крыла. Ходил в авиамodelьный кружок, где лобзиком из шпона выпиливал элероны, обтягивал крыло лавсаном и, зажав в тисках, заводил благодарно взвизгивающий движок ударом пальца по винту, жадно втягивая ноздрями керосиновый аромат чуда полета. Кордовые модели наматывали круги под тополями вокруг футбольной площадки все детство Глухова, а поступать он думал в младших классах совсем не в физтех, а в Тамбовское летное училище. Однако наступившая из-за беспрерывного чтения книжек близорукость убергла его от военщины — с тех пор польза библиотек ему была очевидна: прежде чем что-то сказать или сделать, надо сначала хорошо вчитаться. Тем не менее в полете самолета ему до сих пор виделась

бесконечной красоты магия — он не мог оторвать взгляд, когда ехал по шоссе в то время, когда с полосы аэропорта параллельным курсом медленно поднимался грузовой кашалот — *Boeing 747*. А если приходилось летать, одним из самых ценных моментов полета был тот, когда при отрыве вдруг вся планета под ногами превращалась в обозримую карту. Он считал этот эффект тоже волшебным преобразованием — событием, некогда недоступным человечеству. «Вот почему Экзюпери произвел неизгладимое впечатление на читателей — тем, что обрел этот удивительный, не то птичий, не то божественный взгляд, осознающий, что каждый огонек на суше — это отдельная планета среди бесчисленной россыпи обитаемых планет, на каждой из которых хочется пожить, — так думал Глухов и добавлял: — Дальние мореплаватели, первопроходцы вообще очаровывали тем, что были приближены к сонму богов — силой выживания и преодоления и, конечно, добычей. Иные отправлялись не только за золотом. Недаром некоторые мистики забирались в неприступные горные районы — в надежде обрести магические способности гиперборейцев. Тут вспоминаются, конечно, Алистер Кроули, таскавший с собой на вершины, населенные только духами, рюкзак с книгами, и баварский король Людвиг, любивший в Альпах залечь на оттоманку перед стеклянной стеной своего монплезира с трубкой опиума в зубах. Гиперборейство порой выходило за рамки не только человеческих

усилий, но и человеческого в принципе. Стоит вспомнить и брошенных на пути к вершине умирающих альпинистов, и то, что собак Амундсен кормил их же собратьями, таким образом уменьшив груз саней на пути к полюсу. Насколько я помню, из всех первых полярных предприятий лишь экспедиция Шеклтона обошлась без человеческих жертвоприношений. Скорее всего, без испытаний человечности не обойдется и инопланетная колонизация. Ибо человек, конечно, прежде всего есть “испытатель боли”...»

Иван поздно понял, что счастливо женатым можно быть только на белой богине, — и развелся лишь после того, как Артемке исполнилось одиннадцать. А перед его рождением шесть лет Ирина детей не хотела, все размышляла о чем-то. Из тех ее мыслей выходило так, что Глухов должен был *перестать хотеть быть евреем* (мать Глухова была из семьи катакомбных субботников, претерпевших от сталинских времен и ссылку, и лишение прав, так что набожностью он был вскормлен вместе с материнским молоком). Ирина хотела венчаться, но Глухов не столько ритуально, сколько онтологически был против. Ему не очень было понятно, почему его предки во многих поколениях старались быть евреями, а он должен сдать оплот сопротивления. Тогда Ирина отправилась к некоему старцу в монастырь под Тверью и тот повелел: «Не спи с ним, пока не повенчаешься».

Так они и жили: ни под хупой, ни под венцом. Два года целибата, затем Иван переломил ситуацию, после чего все-таки родился сын, но любовь долго еще оставалась для него драматической составляющей жизни. Впрочем, как и стремление понять себя евреем, ради чего он изучал традицию и стал исповедовать религиозно-сионистские идеи, точнее, стал последователем рава Кука, поэтического гения преобразования иудаизма в современную модернистскую теорию жизни. Ясное дело, такие браки, в которых есть религиозные, мыслительные и пищевые противоречия, скорее являются перемирием, чем союзом. Однако на белой богине жениться рискованно и спорно, но тут уж либо пан, либо пропал. Поди еще ее найди.

Иван так бы и не развелся, если бы они не собрались в Израиль — после принятия «сиротского закона». Это стало последней каплей, да к тому же все и так шло к разрешению ситуации, а тут мадам Варда — семейная психологиня, к которой они навевались во дворы близ Смоленской площади в попытке не то в самом деле развестись, не то счастливо зажить дальше, — возьми да скажи: «А что? Поезжайте. В Израиле многие создают новые семьи».

И они уехали. За три года пережили два периода улучшения отношений. Но на третий год летом Ирина вместе с Артемкой отправилась на дачу в Мозжинку на каникулы, после которых не вернулась в Израиль: вдруг перед началом учебного года

она сообщила, что все кончено и теперь Иван сам решает, как ему жить дальше.

Созванивались по скайпу, Ирина сидела в геймерском кресле Артемки, закутавшись в теплую кофту и шарф — будто облачилась в латы перед решающим боем. Правда, август в Подмосковье тогда выдался дождливый. Говорила она бледно, безучастно — и он быстро понял, что на этот раз поезд ушел, никаких дискуссий. Испытал ощущение облегчения и провала одновременно. Настолько бездонного провала, что даже заглядывать в него было страшно. Но делать было нечего, и он поплыл потихоньку-полегоньку, стараясь не думать, какая под ним синяя, как вечернее небо, глубина. И — выплыл.

Впервые он увидел ее в общеаге — в коридоре она восседала в позе лотоса перед приоткрытой дверью в комнату, из которой доносились завывания Роберта Планта: *Led Zeppelin* уже тогда были главной рок-группой жизни. На Ирине был красный спортивный костюм *Adidas* — недостижимый для смертных предмет моды его юности. Он подсел к ней и попросил прикурить. Он и сейчас помнит сладковатый привкус крепчайших *Ligeros* без фильтра, бумага которых делалась из сахарного тростника. Вскоре он увидел ее в факультетском клубе на дискотеке. Пьяная от счастья и шампанского, которое студенты пили по темным закуткам перед танцполом, она одиноко танцевала под *Atom*

Heart Mother с лившимся шарфом в руках, подобно Айседоре Дункан — любительские движения тела, выражающие не то душу, не то пустое и неизъяснимое. Потом они отправились на ранней электричке в Москву и целый день гуляли по городу, к вечеру вернулись пешком в Долгопрудный. Это была большая прогулка, во время которой он не понял ничего, кроме того, что существует счастье жизни в весенней столице, где бульвары уже были усыпаны клейкой шелухой тополиных почек. Но что он помнит еще — первое впечатление тогда так и не сформировалось, и это было странно: вот Ирина курит на корточках, прищурив карие глаза (с пятнышком в левом) под челкой, вот они босиком бегут под ливнем по Сиреневому бульвару, вот она кладет голову ему на плечо в электричке и он замирает от важности момента и... непонимания, потому что это — не белая богиня. Такой загадочной, но скучной она для него и осталась, непроницаемой, как душа Айседоры Дункан. И смириться с тем, что имя его ситуации — «нелюбовь», ему пришлось только недавно.

А что такое любовь к детям? Животное чувство, смешанное с невротической досадой?

Вдруг Иван вспомнил, что Шерлоку недолго осталось. Года два — едва-едва. Но собачка прожила отличную жизнь. Он купил пса незадолго до отъезда в Израиль. Сделка состоялась под Ногинском, у заводчицы Натальи Петякиной. «Петякинские лабры» — хорошее название для псарни.

Помнил, каким глупым был в первый год щенок. Сгрыз в доме все, до чего смог дотянуться. Кажется, рынок бытовой техники, сожранной лабрадорами, в одной только Америке превышает два миллиарда долларов. По лестнице его нельзя было спускать на поводке, поскольку сызмала слабые суставы — такая порода, — и Иван таскал его на руках. Пошли как-то по грибы в Мозжинке, так на обратном пути Шерлок настолько устал, что залез в ручей по уши и сидел там — отмокал, неженка. И снова Глухов вынужден был нести его на руках до дома. Но ничего, подрос и стал пловцом: неустанно гонял в озеро-реку-море за брошенной палкой или на треть наполненной пластиковой бутылкой.

Из детства Артемки он помнил четыре эпизода. То, как не уследил, как прозевал, когда сынок побежал по лужайке, споткнулся и стукнулся лбом о бетонную дорожку. Как отчаянно мчался по проселочному бездорожью в аптеку перед закрытием, потому что у ребенка поднялась температура. Как Артемка учился плавать и никак не мог пересилить себя и нырнуть, а тренерша макала его, макала, и как до слез было его жалко. Как он привел его в детсад — еще пустой, детей еще не доставили, — раздел, отвел в комнату для игр, а Артемка тихонько подошел к окну, взялся снизу за подоконник и стал с тоской смотреть на голые деревья, на ворон, в свете утренних сумерек кружащихся над ними.

В Москве они жили на Пресне, в купеческо-мещанском районе Малой Грузинской и Столярного переулка, рядом со Щукинским особняком, где в начале XX века во время визита в Москву бывал Анри Матисс. Многие Глухов на Пресне сумел, но главное — успел полюбить: лавки, сугробы, кафе, дворовые тропинки, магазины. Он ходил в гастроном «Мяснов» за венскими сосисками, в то время как Ирина из-за своего веганства питалась отдельно. Да и жили они словно рыба с собакой, по-вегански — такая разность темпераментов. К тому же Ирина мерзла при любой погоде, а Глухов изнемогал от малейшей оттепели. И тем хуже для него оказалась акклиматизация в Израиле, в Гуш-Дане, знаменитом своей влажной морской жарой: жизнь в нем возможна только вблизи кондиционера, который на Ближнем Востоке стал заменой семейного очага для бедняков. Но человек не блоха — ко всему привыкнет. Вот и Иван обучился летать на велосипеде по Тель-Авиву во влажных сумерках, выход из-под кондиционера в каковые, скажем на балкон покурить, равносильно был падению зассанного щенками матраса на голову: Шерлок в Рамат-Гане не пропустил ни одного бетонного угла — не миновали эти углы и другие собаки, обитавшие в городе чуть не в каждой квартире. Глухов научился терпеть во время пробежки по парку Яркон к морю и покрываться литрами пота. Еще и хозяин квартиры оказался незабываем, его звали Илан. Этот человек из Марокко

регулярно повышал цену за съём и выкручивал Ивану руки, когда тот съезжал. Илан заставил его сделать ремонт, взял за каждую перегоревшую лампочку по сто шекелей и остался в памяти Глухова мучителем, ответственным за формулировку: «Лендлорд в Израиле страшнее, чем жизнь». В остальном квартира и житьё в ней были прекрасны: соседство виллы английского посла придавало шарм местности, а когда Глухов выгуливал в ночи Шерлока, то, проходя у посольской калитки мимо подсвеченного герба Великобритании размером с щит Ахилла, невольно расправлял плечи — если бы он не был тем, кем являлся, то непременно был бы англичанином, потому что, будучи англичанином, легко быть немного сумасшедшим.

Конечно, Глухов скучал по Москве, вспоминал Пресню — баснословный все-таки район: когда-то бывшие мещанские огороды, зады Белорусского — выхода в Европу, главного военного вокзала страны, места стоянки цыганских таборов, места первого столичного зверинца, злчных притонов и водяных мельниц, красивых производств и портомоев, места баррикад и адреса «Облака в штанах» — Иван прожил в этой местности пятнадцать лет, и чего там только с ним не приключалось.

Жил он в Столярном переулке. Его пес, нынче завсегдатай Иудейской пустыни и Голанских высот,

на Пресне обрел свой щенячий дом. Первой дрессуре его и Ивана обучил сосед по этажу Серега, купивший однокомнатную квартиру в столице, прибыв из лесов Белоруссии. Заработал он на нее поставками меда и картошки.

Мать Сереги — мужеподобная, коротко стриженная, вечно в джинсах — была сильно пьющей. Имелся у нее друг, с которым они частенько прикладывались к бутылке в конце дня, после работы на Ваганьковском рынке. Коренастый усатый мужик, имени которого за годы Ивану не суждено было узнать, он ладил с Серегой, но смертельно ругался с его матерью. Орала она на весь подъезд, однако до мордобоя не доходило.

Заядлый рыбак и охотник, Серега внушал уважение своими уловами, с которыми возвращался с подмосковных водохранилищ, и знанием собачьей жизни. Шерлока он любил как своего, всегда готов был приласкать и научить полезному.

Однажды Глухов заметил, как мать Сереги — Марья — вдруг переменялась. Она протрезвела и ходила теперь какой-то посветлевшей. Марья словно бы вспомнила, что женщина: стала носить платье, причесываться. Нелепые голубенькие сухоцветы появлялись то в ее коротких волосах, то приколотыми на платье. И все казалось, когда Иван здоровался с ней, что она хочет что-то сказать. Она кротко улыбалась про себя.

Как вдруг Серега поделился: «Мать ходила по врачам. Сказали, жить ей — месяц-другой».

Иван не поверил. Эта рослая грубая, крикливая женщина, казалось, не способна была умереть.

Порой Глухов задумывался, что же она ему сказала бы, если б смогла? Что умирает? Что смерть облагораживает при своем приближении?

Марья умерла, друг ее куда-то делся, и Серега стал жить один.

Перед отъездом Глухова он купил щенка русского спаниеля и назвал его Макаром. Шерлок теперь иногда гуляет по пустыне, Макар носится по лесам и Пресне.

А Иван все чаще задумывается о том, что звезды понятнее, чем самые простые сухоцветы жизни.

Вот он и добрался: спустился по змеистой дороге в долину Эйн-Карема и въехал на территорию госпиталя. Машину (*Jeep Patriot, 2009*, серебристый металлик) Глухов ставил на «банане» — так называлась вытянутая вдоль косогора площадка — стоянка для сотрудников и студентов, которая находилась горным ярусом ниже основного комплекса зданий университетского госпиталя. Преодолев крутой подъем, он показал охраннику рабочую карточку, отметил время прибытия и спустился в бункерный — минус четвертый — этаж под землю, где были установлены медицинские ускорители для облучения онкологических больных. Пройдя мимо лифтов и «аквариума» регистратуры, Глухов свернул в длинный коридор, ведущий

к самому новому (из трех) ускорителю, и увидел, что ему навстречу бредет мощная фигура в серой майке и джинсах, сильно намекающих на то, что их владелец недавно вставал на колени перед своим автомобилем: менял пробитое колесо. Сделав еще несколько шагов, Иван поднял приветственно руку и тут же опустил: начальник его отдела, а это был он — Джош Фердман, — не любил ни здороваться, ни прощаться и каждый раз отовсюду уходил по-английски, без послесловий. Это ему шло, как и то, что родители произвели его на свет в Лондоне, где он прожил до пяти лет. Иван иногда про себя называл Джоша «наша маленькая Англия» и тоже с ним не прощался, но порой здоровался, как сейчас. Характер главного физика госпиталя «Хадасса» четко укладывался в формулировку Глухова: англичане либо совершенно, даже в квадрате, нормальные, либо отчаянно сумасшедшие. Третьего не дано, третьим был, наверное, сам Глухов, а вот Джош был, конечно, сумасбродом. Одной из его выходов значилась поездка с семьей по Шотландии в доме на колесах. Туман, дождь, узкие горные дороги, непривычное левостороннее движение, холодрыга и плохо переключаемая коробка передач не были преградой для Джоша Фердмана, но стали ею для его жены и четырех детей, среди которых один был тогда грудничком, так что пришлось повернуть обратно. Ненормированный рабочий день придавал главному физики «Хадассы» летучей непредсказуемости: Джош